

ЛИТЕРАТУРНАЯ МАТРИЦА

РОССИЯ
ГЛАЗАМИ ИНОСТРАНЦЕВ

ЛИТЕРАТУРНАЯ МАТРИЦА
Санкт-Петербург

Литературная матрица

Сборник

**Литературная матрица.
Россия глазами иностранцев**

«Издательство К.Тублина»

2022

УДК 82-822
ББК 84 (2Рос-Рус)6

Сборник

Литературная матрица. Россия глазами иностранцев / Сборник —
«Издательство К.Тублина», 2022 — (Литературная матрица)

ISBN 978-5-6045409-3-0

Собранная ученым Пушкинского дома Дамиром Васильевичем Соловьевым антология впервые представляет в такой полноте путевые заметки, мемуары, письма и дневники иностранцев в той их части, где они высказывают суждения о русском народе с первых упоминаний до конца XVIII века. Свидетельства, данные составителем в хронологической последовательности, позволят читателю взглянуть на нашу историю чужими глазами и оценить, как на протяжении столетий менялись и в чем оставались неизменными суждения иностранцев о русском человеке. Многие тексты переведены непосредственно составителем и на русском языке будут опубликованы впервые.

УДК 82-822
ББК 84 (2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-6045409-3-0

© Сборник, 2022
© Издательство К.Тублина, 2022

Содержание

Предисловие редактора	6
От составителя	8
Свидетельства иностранцев о России	9
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Дамир Соловьев
Составитель
Литературная матрица
Россия глазами иностранцев
Краткие подготовительные материалы
для исследования национальной проблемы
в хронологической последовательности
Сборник

* * *

© Д. Соловьев, наследники, 2022

© ООО «Литературная матрица», макет, 2022

© А. Веселов, оформление, 2022

Предисловие редактора

Составитель этой книги, историк, переводчик и архивист Дамир Васильевич Соловьев (1932–2014), обозначил свою работу как «краткие подготовительные материалы для исследования национальной проблемы». Результаты изучения бесчисленных публикаций оказались для исследователя весьма неожиданными – заметно преобладали отрицательные оценки. Выбирая в многочисленных источниках цитаты, непосредственно касающиеся русского народа, составитель, судя по оставшимся рукописям, предполагал в дальнейшем заняться сравнительным анализом полученного материала. Ведь положение в пространстве объекта наблюдения определяется лишь в соотношении с его окружением. То есть, чтобы сказать, является ли результат беспристрастного отбора цитат уникальным или он вполне зауряден, мы вынуждены продолжить исследование в нескольких направлениях. Если иностранные наблюдатели говорят о нас так-то и так-то, то что говорили мы сами в то же время и о тех же явлениях? Если иностранцам нравятся, а чаще не нравятся некие наши черты, то как россияне относились на протяжении веков к увиденному за границей? Сообщая о нас, что они сообщают, познакомившись с обитателями третьих стран?

Опубликованные записки иностранцев не оставались незамеченными в России. Так, за «Путешествием по Сибири» аббата Шаппа, «которое, – словами Пушкина, – смелостью и легкомыслием замечаний сильно оскорбило Екатерину», последовал «Антидот», то есть «Противоядие, или Исследование великолепно отпечатанной дурной книги под названием „Путешествие аббата Шаппа“», подписанный самой императрицей. Публикация перевода записок XVI века Джайлса Флетчера в XIX веке вызвала крайнее неудовольствие Николая I, повлекшее за собой закрытие на десять лет альманаха «Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских» и изгнание публикатора, выдающегося слависта Осипа Бодянского, из Московского университета (справедливости ради отметим, что и первое издание книги Флетчера было запрещено английскими властями, а тираж уничтожен). Что уж говорить о записках современника Николая – маркиза де Кюстина, французское издание которых вызвало не просто неудовольствие, но ярость императора и целую операцию спецслужб по опровержению содержащихся там инвектив.

Но это лишь отдельные всплески негодования, чаще же в России к наблюдениям иностранцев относились с интересом и без обид, переводили и публиковали даже самые критические замечания. Историк XIX века К. Н. Бестужев-Рюмин в предисловии к публикации перевода писем леди Рондо, которые Гоголь назвал «книжкой замечательной», писал: «Сказания иностранцев считаются и не без основания важным материалом историческим. Иностранца по большей части поражает то, что остается неприметным для туземцев, что считается ими слишком обыкновенным и даже долженствующим быть. Конечно, в суждениях своих иностранец может быть поверхностным или пристрастным; он может по любви к своему плохо понимать чужое и т. п.».

А изданный в 1873 году перевод дневника петровского времени предварялся такими словами: «Эти заметки, сохраненные правнуком контрактного пробста Седерберга, издаются как принадлежность истории, которая должна быть беспристрастна и свободна от утайки и ненависти. Они представляют русский народ в том виде, каким он тогда был. Тем более радости для человечества, если нынешнее состояние этого народа может быть представлено в более выгодном свете, если только ложный лоск и роскошь между ним не вытеснили похвальное религиозное рвение предков и первоначальную азиатскую степенность». Впрочем, упомянутый уже издатель Осип Бодянский не удержался, то и дело комментируя этот перевод пометками «неверно» или «рассказано совершенно наоборот».

Действительно, меняются времена, меняются и обстоятельства. Сколько копий было сломано приезжими, осуждающими обычай совместного мытья мужчин и женщин в русской бане! В конце концов всеобщее возмущение целомудренных иностранцев заставило Екатерину запретить общие бани. И вот теперь уже мы краснеем, изумляясь подобной нескромности в Европе.

Следует помнить, что все приведенные высказывания не были адресованы россиянам. Немалая их часть – и вовсе дипломатические депеши и разведанные, документы секретные, подчас зашифрованные. Оценки могли зависеть как от личности наблюдателя, а иногда адресата, так и от политической ситуации в данный момент. Далеко не каждое мнение заслуживает слов историка XIX века Д. Д. Рябинина о «Секретных записках о России» Шарля Массона, которые, «несмотря на его желчь и неприязненный тон, допускающий преувеличения и пристрастность во взглядах на события и личности, ни разу не обличено новейшими исследователями в фактической неверности заключающихся в нем сведений».

Составитель успел довести свою работу до конца XVIII столетия, так что она открыта для продолжения, благо теперь большинство источников, в оригинале или в переводе, доступно всем. Каждый даст собственный ответ на вопрос, действительно ли мы таковы, какими нас видят со стороны? И если нет, то почему им так кажется? Где здесь правда, а где ложь и, снова вспоминая Гоголя, стоит ли пенять на зеркало? Как менялись мнения чужеземцев от года к году, от столетия к столетию, от царствования к царствованию, от эпохи к эпохе? От каких недостатков мы избавились, а какие по-прежнему с нами? Какие достоинства сохранили и преумножили? На все эти вопросы поможет ответить и эта книга.

Евгений Волковьский

От составителя

Проблема национального характера столь сложна и многообразна, что нет даже уверенности, разрешима ли она вообще во всей своей целостности. Однако чрезвычайно важное значение ее для исторической науки настоятельно требует каких-то, пусть приблизительных и не вполне надежных, подступов к искомым ответам. Настоящий сборник представляет собой опыт собирания возможно большего числа свидетельств и суждений. При этом не производилось никакого отбора по достоверности, поскольку, с одной стороны, невозможно установить критерий для такого отбора, а с другой – даже явная ложь по-своему отражает какую-то часть общественного мнения и в значительной степени влияет на отношения между странами и народами.

Особенное внимание было обращено на поиск благоприятных свидетельств о России и русских, однако такие свидетельства оказались в подавляющем меньшинстве. Составитель, следуя столь редко воспринимаемому у нас примеру Чаадаева (см. эпиграф), не считал для себя возможным хоть как-то приукрасить общую картину, которая для него самого оказалась во многом совершенно неожиданной.

Хронологический порядок выдержан в сборнике не вполне последовательно: в самостоятельные разделы выделены цитаты из сочинений русских писателей и публицистов XIX века. Главным недостатком сборника является, несомненно, отсутствие немецкоязычных источников, кроме уже опубликованных в переводах на русский, английский и французский языки.

Д. С.

12 авг. 2013 г.

Свидетельства иностранцев о России

Я не умею любить свою страну с закрытыми глазами, склоненным лицом и сомкнутыми устами. Я полагаю, что быть ей полезным можно только при ясном взгляде. Я верю, что время слепой любви прошло, и сегодня, прежде всего, мы обязаны отечеству своему говорить истину.
П. Я. Чаадаев. Апология безумного

VI в.

546 г.

Эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии), и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим. И во всем остальном у обоих этих варварских племен вся жизнь и законы одинаковы. Они считают, что только один бог, творец молний, является владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды. Судьбы они не знают и вообще не признают, что она по отношению к людям имеет какую-либо силу, и когда им вот-вот грозит смерть, охваченным ли болезнью или на войне попавшим в опасное положение, то они дают обещание, если спасутся, тотчас же принести богу жертву за свою душу; избегнув смерти, они приносят в жертву то, что обещали, и думают, что спасение ими куплено ценой этой жертвы. Они почитают реки, и нимф, и всякие другие божества, приносят жертвы всем им и при помощи этих жертв производят и гадания. Живут они в жалких хижинах, на большом расстоянии друг от друга, и все они часто меняют места жительства. Вступая в битву, большинство из них идет на врагов со щитами и дротиками в руках, панцирей же они никогда не надевают; иные не носят ни рубашек (хитонов), ни плащей, а одни только штаны, подтянутые широким поясом на бедрах, и в таком виде идут на сражение с врагами. У тех и других один и тот же язык, достаточно варварский. И по внешнему виду они не отличаются друг от друга. Они очень высокого роста и огромной силы. Цвет кожи и волос у них очень белый или золотистый и не совсем черный, но все они темно-красные. Образ жизни у них, как у массагетов, грубый, без всяких удобств, вечно они покрыты грязью, но по существу они не плохие и совсем не злобные, но во всей чистоте сохраняют гуннские нравы¹.

550 г.

Победившие Асвада славяне опустошили все места до (Егейского) моря, где они первым Фракии приморским городом Топером, в котором стояло войско для защищения, овладели <... > Немедленно порубив всех мужчин, числом до 15 000 человек, и разграбив богатство, женский пол и малых ребят поработили. Прежде же сего не было и оным пощады; ибо все без разбора были убиваемы, так что в Илирике и во Фракии везде повержены лежали непогребенные греков трупы. Неприятелям своим давали славяне необыкновенную и бесчеловечную кару; ибо иных сажали на кол; других за руки и за ноги привязывали к четырем воткнутым в землю деревянным снастям и били их до смерти дубиною по голове, или, заперши в стойла вместе со скотом, которого им не можно было увести с собою, сожигали. Наконец покинув смертоубийство, пленным живот оставлять начали и возвратились восвояси с бесчисленным множеством поработенных².

---

¹ Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950. С. 297.

² Известия византийских историков, объясняющие российскую историю древних времен и переселения народов; собраны и хронологическим порядком расположены Иваном Штриттером. СПб., 1770. Ч. I. С. 15, 22–25.

VII в.

Предки наши, славяне, преимущественно пред другими народами отличались странно-приимством. Хозяин отвечал обществу за безопасность чужеземца, оскорбление которого считалось оскорблением каждого славянина и вызывало общую месть. Император Маврикий в 5-й главе своей «Стратегике» так описал характер славян VII века: «К чужеземцам они благоклонны, провожают от одного места до другого, куда надобно, так что даже если по небрежности того, кто должен охранять иностранца, причинится ему какой-либо вред, то с таким лицом сосед начинает войну, считая делом благочестивым отомстить таким образом за иностранца»³.

IX в.

Варвары руссы бесчеловечны делами: в самом лице их обнаруживается жестокость: убийство самое обыкновенное их дело. Они безжалостно, жестоко убивают людей всякого возраста и пола, юношей и старцев. Они обновили древнее таврическое жертвенное человекоубийство, удушение юношей, мужей и жен⁴.

941 г.

«...» 11-го июня 14-го индикта появился в Черном море российский флот, в котором находилось десять тысяч человек войска для учинения приступа ко Царю-граду. В окрестности Стена, вышед на берег, пожигали они огнем всё и многих, отводя в плен, отчасти прибивали ко кресту и сажали на кол, отчасти поставив вместо мишени, стреляли в них из лука. Священникам связывали назад руки, вбивали железные гвозди в голову и так их умерщвляли. Церкви и монастыри предавали огню на истребление⁵.

XV в.

1413 г.

Жильбер де Ланца о нравах в Новгороде

В их городе есть один рынок, где они продают и покупают, в согласии с их законом, женщин (чего мы, христиане, даже и под страхом смерти никогда бы не осмелились делать), и они покупают женщин за один или два куска серебра «...»⁶

1473 г.

Москвитяне, как мужчины, так и женщины, вообще красивы собою, но весьма грубы и невежественны. «...» Главнейший недостаток их есть пьянство, которым они, впрочем, хвалятся и презирают тех, кои не следуют их примеру. Вина у них совсем нет; но вместо его они употребляют напиток, сделанный из меду с хмелем. Напиток этот очень недурен, в особенности когда он стар. Впрочем, великий князь не всем позволяет варить его, ибо в противном случае они бы каждый день напивались допьяна и дрались беспрестанно между собою, как животные. Образ жизни их состоит в следующем: утро до полудня проводят они на рынке, а потом отправляются в харчевню есть и пить, так что вечером никакой уже услуги ожидать от них нельзя⁷.

---

³ И. Андреевский. О правах иностранцев в России. СПб., 1854. С. 317.

⁴ Из византийского сказания о походе Руси на малоазийский город Амастрис. Записки Императорской академии наук, 1862. I, Приложение № 3. С. 60. (Русский перевод: А. П. Шапов, Сочинения. СПб., 1908. III. С. 458.)

⁵ Известия византийских историков, объясняющие российскую историю древних времен и переселения народов; собраны и хронологическим порядком расположены Иваном Штриггером. СПб., 1774. III. С. 23–24.

⁶ Voyages et ambassades de Messire Guilbert de Lannoy. Mons, 1840. P. 20.

⁷ Путешествие Амвросия Контарини, посла Светлейшей Венецианской Республики к знаменитому персидскому государю Узун-Гассану, совершенное в 1473 году // Библиотека иностранных писателей о России. СПб., 1836. I, отд. II. С. 110–111.

1479 г.

Не смею умолчать здесь о постановлении, сделанном нынешним Великим князем. Видя, что подданные его предаются пьянству и пренебрегают полезными занятиями, он издал указ, воспрещающий кому бы то ни было варить мед и пиво и употреблять хмель. Этим способом ему удалось исправить народ свой.

XVI в.

1524 г.

Воздержание их епископов превышает всех похвал, ибо оно не меньшее, нежели воздержание московитских монахов, живущих по столь строгим правилам, что им не дозволяется есть мясо никогда ни под каким видом⁸. <...> В Московии все монахи и монахини следуют одному уставу, носят одинаковое платье черного цвета, и жизнь их настолько благочестива, что они почитаются всеми людьми без исключения⁹. <...>

Почитание целомудрия у московитов таково, что они не позволяют женатому человеку постригаться в монахи. Тот, кто законно соединился с девственницей, может стать священником, но ни в коем случае монахом. Рукоположенный в священники уже не может взять жену и должен следовать обету целомудрия. А если он вступает в сожительство (порок, редкий у русских), епископ налагает на него суровое наказание и лишает доходов. Если его жена умирает раньше него, он не может вступить во второй брак, ибо Св. Павел сказал, что нельзя ставить епископом двоеженца, а лишь мужа одной жены. Кроме сих общих правил, есть и особенные запрещения. Не разрешается, к примеру, спать с женой накануне причастия Св. Таинств, а еще лучше воздерживаться и на другой день. Таковы их благочестие, их обычай и их вера. Наши священники, которые часто, увы, служат с нечистыми руками, могли бы взять с них пример. <...>

Московиты слушают мессу с той сосредоточенностью духа и таковым благочестием, кои приличествуют истинным сопричастникам святой жертвы¹⁰. <...>

<...> ни один еврей, даже если бы он предложил за это несколько тысяч золотых, не может быть допущен в царство русских. <...>

Московиты столь строго соблюдают посты, что почитают величайшим грехом съесть в постный день не только что жирное кушанье, но хотя бы яйцо. Говорят, что некоторые из них в пост не употребляют рыбу, не пьют вино или какие-либо другие напитки. Сей поучительный рассказ заставляет нас признать себя в этом отношении много худшими, нежели они, христианами. <...>

Для того чтобы рассказать обо всем превосходнейшем в религии московитов, понадобилась бы не одна книга¹¹.

1525 г.

Письмо Альберта Кампензе к папе Клименту VII о делах в Московии

Московия, несмотря на обширность свою, весьма хорошо населена и так тщательно защищена на границах, что не только никто из служителей или рабов, но даже поселяне и вольные

---

⁸ Перевод составителя. В «Отечественных записках»: «Воздержание в пище и питии русских епископов и архиепископов столь велико, что они, наравне с простыми монахами, ведут самую строгую жизнь при всем изобилии страны своей» (С. 50).

⁹ В «Отечественных записках»: «Все живущие в монастырях, и монахи, и монахини, держась одного правила и нося одинаковое черное платье, ведут жизнь столь воздержанную и благочестивую, что им все не только удивляются, но воздают величайшую честь и отличное уважение» (С. 51).

¹⁰ В «Отечественных записках»: «Русские во время литургии стоят весьма благочинно и слушают ее со всем благоговением, как бы сами участвовали в совершении ее» (С. 56).

¹¹ Отечественные записки, 1826. № 75. С. 50, 51, 56, 67. La religion des moscovites en 1525 par Jean Faber. Bibliotheque Russe. Nouvelle Série. Vol. 3. Paris, 1860. P. 10–14, 18, 22, 25.

люди не могут выйти за пределы государства или войти в оные без особенной великокняжеской грамоты. Сему весьма много способствуют обширные леса и болота, которые, заграждая повсюду сообщения, вынуждают каждого держаться больших дорог, весьма бдительно охраняемых княжескою стражею. Если же кто-нибудь вздумает уклониться от сего общего пути и избрать окольную дорогу, то неминуемо погибнет в непроходимых болотах. <...> Никто из московитян не смеет в чем-либо противоречить воле Государя, и сей последний властен даже переводить их с места на место и назначать им жительство по своему усмотрению. Мужчины вообще рослы, сильны и привычны ко всем трудам и переменам воздушным, но очень склонны к пьянству. Эта народная слабость принудила Государя их запретить навсегда под опасением строжайшего взыскания употребление вина, пива и другого рода хмельных напитков, исключая одних только праздничных дней. Повеление сие, несмотря на всю тягость оногo, исполняется московитянами, как и все прочее, с необычайною покорностью. <...>

Существенная же разница между их вероисповеданием и нашим состоит в немногих догматах, которые, впрочем, сами по себе не слишком важны для душевного спасения. <...> Во всем прочем они, кажется, лучше нас следуют учению евангельскому. Обмануть друг друга почитается у них ужасным, гнусным преступлением; прелюбодеяние, насилие и публичное распутство также весьма редки; противуестественные пороки совершенно неизвестны, а о клятвopреступлении и богохульстве вовсе не слышно. Вообще они глубоко почитают Бога и Святых Его и везде, где только встретят образ Распятого, немедленно падают ниц с сердечным благоговением. <...>

Отец мой и многие другие почтенные особы, проживавшие некоторое время в Московии, уверяли меня, что московитяне были бы гораздо праведнее нас, если бы не препятствовал тому постыдный раскол их <...>¹²

1525 г. Мнение Павла Иовия

Законы во всем царстве у них просты и основаны на величайшем правосудии Государей и самых справедливых людей, а потому весьма спасительны для народов, так как их нельзя истолковать и извратить никаким крюкотворством стряпчих. <...> Росту, в общем, московиты среднего, но отличаются крепким и очень тучным телосложением. Глаза у всех серые, бороды длинные, ноги короткие и животы большие. <...> Домашняя жизнь их представляет более обилия, чем утонченности, ибо столы их везде заставлены почти всеми теми кушаньями, которых могут пожелать люди, даже весьма преданные роскоши; притом все съестное можно получить за недорогую цену. <...> Супруги и вообще женщины не пользуются у них таким почетом, как у прочих народов, а считаются почти наравне со служанками. Именитые мужи удивительным образом следят за каждым их шагом и весьма тщательно охраняют их целомудрие. Поэтому их не пускают на пиршества и не позволяют ходить к церковным службам в более отдаленные храмы и вообще бесцельно показываться в народе. Но даже иностранцу можно легко и притом за небольшую цену склонить к любовным утехам всякую женщину из простонародья <...>¹³

1517 и 1526 гг.

Положение женщин весьма плачевное. Они [московиты] не верят в честность ни одной женщины, если она не живет взаперти дома и не находится под такой охраной, что никуда не выходит. Я хочу сказать, что они не признают женщину целомудренной в том случае, если она дает на себя смотреть посторонним или иностранцам. Заключенные же дома, они только прядут и сучат нитки, не имея совершенно никакого права или дела в хозяйстве. Все домашние

---

¹² Библиотека иностранных писателей о России. СПб., 1836. I, отд. 1. С. 31–35.

¹³ Барон Сигизмунд Герберштейн. Записки о московитских делах / Павел Иовий Новокомский. Книга о московитском посольстве. СПб., 1908. С. 271, 273.

работы делаются руками рабов. <...> Весьма редко допускают женщин в храмы, еще реже на беседы с друзьями, и то в том только случае, если эти друзья – совершенные старики и свободны от всякого подозрения. Однако в определенные праздничные дни они разрешают женам и дочерям сходиться вместе для развлечения на привольных лугах. <...>

Этот народ находит более удовольствия в рабстве, чем в свободе. Ибо перед смертью господ в огромном большинстве случаев отпускают известных рабов на волю, но эти последние тотчас за деньги отдают себя в рабство другим господам. Если отец, как это у них в обычае, продаст сына, и этот последний каким бы то ни было образом станет свободным или будет отпущен на волю, то отец по праву отцовской власти может продавать его еще и еще. После четвертой же продажи он не имеет на сына более никакого права. <...>

Как бы ни был беден знатный человек, он все же считает для себя позорным и бесчестным работать собственноручно. Но он не считает позорным того, чтобы поднять с земли и пожирать корку или шелуху плодов, и в особенности от дынь, чесноку и луку, брошенные нами и нашими слугами. Насколько они воздержаны в пище, настолько же неумеренно предаются пьянству повсюду, где только представится случай¹⁴.

1550 г. Из сочинения дипломатического агента литовского правительства Михаила Литвина

[В Тавриде на невольничьем рынке] продают рабов с аукциона десятками под руководством оценщика, который громко выкрикивает похвалы: что это рабы новые, еще не испорченные, не хитрые, из земли королевской, а не московской (ибо московское племя, как лживое и коварное, низко ценится на невольничьем рынке). <...>

В Московии же нигде нет кабаков, и если у любого домовладельца найдут хоть каплю горячего напитка, жилище его разоряют, имущество конфискуют, домашних и даже соседей подвергают телесному наказанию, а самого хозяина пожизненно заключают в тюрьму; с соседями поступают так жестоко потому, что считают их знающими о мерзком преступлении и потому как бы зараженными его язвою. <...>

Так как москвитяне воздерживаются от пьянства, то города их славятся ремесленниками, прилежно изготовляющими различные изделия; они снабжают нас деревянными чашками <...> также седлами, саблями, конскою сбруею и разного рода оружием, получая за эти предметы наше золото. <...>

Народ московитский хитрый и вероломный, неискренний и непостоянный¹⁵.

1570 г.

Новое плавание и открытие царства Московии, предпринятое рыцарем сэром Хью Виллоуби и совершенное Ричардом Ченслором, старшим кормчим

<...> Теперь – о их ведении войны; на поле битвы они действуют без всякого строя. Они с криком бегают кругом и почти никогда не дают сражений своим врагам, но действуют только украдкой. Но я думаю, что нет под солнцем людей столь привычных к суровой жизни, как русские: никакой холод их не смущает, хотя им приходится проводить в поле по два месяца в такое время, когда стоят морозы, и снега выпадает более чем на ярд. Простой солдат не имеет ни палатки, ни чего-либо иного, чтобы защитить свою голову. Наибольшая их защита от непогоды – это войлок, который они выставляют против ветра и непогоды, а если пойдет снег, то воин отгребаёт его, разводит огонь и ложится около него. Так поступает большинство воинов великого князя, за исключением дворян, имеющих особые собственные запасы. Однако такая их жизнь в поле не столь удивительна, как их выносливость, ибо каждый должен добыть и нести

---

¹⁴ Барон Сигизмунд Герберштейн. Записки о московитских делах. СПб., 1908. С. 73, 74, 86.

¹⁵ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Киев, 1890. С. 20, 26, 47.

провизию для себя и для своего коня на месяц или на два, что достойно удивления. Сам он живет овсяной мукой, смешанной с холодной водой, и пьет воду. Его конь ест зеленые ветки и т. п., стоит в открытом холодном поле без крова и все-таки работает и служит ему хорошо. Я спрашиваю вас, много ли нашлось бы среди наших хвастливых воинов таких, которые могли бы пробыть с ними в поле хотя бы только месяц. Я не знаю страны поблизости от нас, которая могла похвалиться такими людьми и животными. Что могло бы выйти из этих людей, если бы они упражнялись и были обучены строю и искусству цивилизованных войн. Если бы в землях русского государя нашлись люди, которые растолковали бы ему то, что сказано выше, я убежден, что двум самым лучшим и могущественным христианским государям было бы не под силу бороться с ним, принимая во внимание степень его власти, выносливость его народа, скромный образ жизни как людей, так и коней, и малые расходы, которые причиняют ему войны, ибо он не платит жалования никому, кроме иностранцев. <...>

Русские по природе очень склонны к обману, сдерживают их только сильные побои. Точно так же от природы они привыкают к суровой жизни, как в отношении пищи, так и в отношении жилья. Я слышал, как один русский говорил, что гораздо веселее жить в тюрьме, чем на воле, если бы только не подвергаться сильным побоям. Там они получают пищу и питье без всякой работы, да еще пользуются благотворительностью добрых людей, а на свободе они не зарабатывают ничего. Бедняков здесь неисчислимо количество, и живут они самым жалким образом. Я видел, как они едят селедочный рассол и всякую вонючую рыбу. Да и нет такой вонючей и тухлой рыбы, которую бы они не ели и не похваливали, говоря, что она гораздо здоровее, чем всякая другая рыба и свежее мясо. По моему мнению, нет другого народа под солнцем, который вел бы такую суровую жизнь¹⁶.

1570 г.

Великий князь московский в то время так жестоко и ужасно обращался со своими собственными людьми, и высокого и низкого происхождения, что бесчеловечно велел умертвить более сорока тысяч человек, способных носить оружие и годных на войне, кроме женщин, девушек, детей и разной челяди. Все немцы, бывшие в Москве в то время и после того ехавшие через города и земли, подвергшиеся опустошению, сознавались, что если бы неприятель со стотысячным войском пробыл в России, воюя целый год, то немисливо, чтобы он нанес московиту такие убытки, какие он нарочно наносил сам себе. Причина же, почему это случилось, была та, что великий князь подозревал своих людей в том, что они хотят предаться королю польскому, но это была неверная клевета¹⁷.

1575 г.

Из письма к императору Максимилиану II о Московии рыцаря Ганса Кобенцля

Братия или монахи – все по чину св. Василия, живут с величайшей святостью. Но монахов и монастырей так много, что редко бывает более двух миль расстояния от одного монастыря до другого.

Во всей Московии нет ни одной школы, ни других удобств для обучения, кроме монастырей; потому из тысячи человек едва найдешь одного или двух грамотных. <...>

Все возводимые в сан Епископский суть монахи и, живя в монастырях, отличаются самым неукоризненным поведением, желая через то соделаться достойнее сказанного сана¹⁸.

---

¹⁶ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л., 1937. С. 60, 64.

¹⁷ Бальтазар Руссов. Ливонская хроника / Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1880. III. С. 186.

¹⁸ Журнал Министерства народного просвещения. 1842. № 9, С. 136–137.

1576 г.

Начало и возвышение Московии. Сочинение Даниила Принца из Бухова

Народ московский по природе горд и надменен: так как своего князя они предпочитают всем государям, то и себя также считают выше всех других народов. Нередко, переступая пределы истины, чрезвычайно превозносят все свое, и этим хвастовством и тщеславием думают придать много достоинства своему князю. <...>

К сладострастию москвитяне очень склонны; нередко оскверняют себя прелюбодеянием, блудом и проклятым содомским грехом.

За столом они держатся самых простых обычаев, и так как не употребляют никаких тарелок, то пищу берут пальцами из чашек. <...>

Рыгание у русских считается признаком образованности; как у них за столом не бывает ничего чаще, как брать с ними пищу, то я не нахожу это большим удовольствием. <...>

Никто не въезжает в Московию, чтобы об этом тотчас не было донесено великому князю; если кто-нибудь прибудет без дозволения (*absque salvo conductu*), тот подвергает себя величайшим опасностям и некоторым образом задерживается как пленник до тех пор, пока не узнают точнее, какое он имеет намерение. Занимающиеся торговлей и едущие туда частным образом терпят большие неприятности и большие затруднения, так как постоянных дворов никаких нет, и едва за деньги можно достать хлеба, а послам припасы отпускаются от казны (*ex publico*)¹⁹.

1577–1578 гг.

Из записок немца-опричника

В русской земле не знают и не употребляют ни латинского, ни еврейского, ни греческого языков, ни митрополит, епископы, монахи или священники, ни князья или бояре, ни дьяки или подьячие. Все они пользуются только своим собственным языком. Однако и самый последний крестьянин так сведущ во всяких шельмовских штуках, что превзойдет и наших докторов-ученых, юристов во всяких казусах и вывертах. Если кто-нибудь из наших всеученейших докторов попадет в Москву – придется ему учиться заново!²⁰

1575, 1579 гг.

Одного знатного дворянина дацкого Якова Ульфельда, посланника Фридерика Второго короля, описание путешествия в Россию

[В Пскове]. Они такие ненадежные и несправедливые люди, что ни в чем им верить нельзя, на обещания их полагаться не можно, и не почитают за стыд обманывать, лгать и воровать: ибо всякого дня воровали целую почти половину приносимых нам съестных припасов, пива и меду, не опасаясь, что мы проведем и обличим их в воровстве: сверх того, задерживают было у себя ежедневно иногда больше, иногда меньше лошадей и колясок, для нас определенных, и оные чиновникам, которые о пути старались, отдавали за деньги не в нашу пользу, потому что слуги наши неоднократно принуждены были пешком ходить. Я думаю, нет во всем свете бесстыднейших людей от сих, о которых здесь упомянуто.

[В Новгороде]. Во время пребывания нашего в сем городе приставы наши всегда нас ненавидели, о чем здесь не умолчать, но паче упомянуть достойно, дабы показать добронравным, сколь жестокими кажутся варвары сии к немцам, когда некоторую власть над ними имеют; ибо по прошествии четырнадцати дней, чрез которые бесперемменно содержались под караулом, пришли к нам с уведомлением о прибытии куриера того же дня с Москвы, который по повелению великого князя объявил, что вольно нам со слугами своими куда хотим ходить и покупать что надобно, сие для нас весьма радостно было; ибо безмерно желали, засидевшись на

---

¹⁹ Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. 1876. Кн. IV, отд. IV. С. 67, 68, 73. – *Moscoviae ortus et progressus etc.* Niessae Siles. 1668.

²⁰ Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. Л., 1925. С. 75.

одном месте, чрез столько времени проходиться и проездиться, почему на другой день попросили мы чрез толмача, чтобы приготовили они нам лодки для переезду чрез реку, подле города текущую, и дабы позволили стрелять птиц, когда по случаю попадутся, в чем тотчас отказали.

И не в сем только показали они нам свое недоброжелательство, но еще когда на третий день хотели мы проходиться на одном ровном месте, недалеко от квартиры нашей отстоящем, то тотчас пошедши за нами, обвинили нас и запретили нас, бы мы впредь того не делали, сказывая, что Государь позволил нам нужные только вещи покупать за деньги, и что одним слугам нашим дана свобода за тем выходить, а нам воспрещена.

«...» чрез все время нашего там пребывания никто не посещал нас, кроме двух бояр, мужей престарелых, которые сначала казались весьма важны, но понеже грубы были нравами, для того, как они себя вели перед нами, легко можно всякого уверить, дабы показать ученому свету, какое у них грубиянство, и сколь они мужиковаты и невежливы, как волы или ослы.

Ибо 19 числа месяца июля, в вечеру, пришли к нам перед ужином, сели с нами за стол, потом, когда досыта наелись и довольно напились меду по своему обычаю, поставили мы на стол сыр, который, как скоро увидели они и отведали, стали нас просить, чтоб им весь отдать, в чем и удовольствовали мы их прошение: они, получа от нас сыр, велели тотчас слугам своим спрятать; после того поданы были заедки сахарные, гранатовые яблоки, смоквы, винные ягоды, имбирные приправы и другие сим подобные, из Дации вывезенные, те все закуски до сытости ели, а что осталось на блюдах, то все унесли с собою, завязавши в платки; помоча пальцы в похлебку, с омерзением облизывали, как малые ребенки или нищие, которые пред дверьми просят милостыни; хотя же и довольно представлено было им пива и меду, однако мало для них то казалось, но просили еще наших напитков, ренского вина или другого, в чем также не отказали мы и подали им красного амеканту, которого, как прикушали, пили друг до друга с поцелуями, ибо при подании из рук в руки стакана один другого целовали.

И не только сии такое неучтивство оказывали, но то же самое и у других ежедневно видели мы: приходят было к нам всякого дня трубачи для представления по своему обычаю комедии, которые в играх многократно обнажали задницы и казали всем срамные части тела, падая на коленки и ягодицы вверх поднимая, без всякого зазору и стыда.

Что также и женщины инокогда делали, ибо, стоя мы одного дня пред своею квартирою на гладком месте с многими слугами, видели недалече оттуда жён, которые на себе платье поднимали вверх, показывая нам в окошки срамные части, передние и задние, и протягивая голые ноги из окошка, то правую, то левую, то задницы, то другие места, невзирая и на присутствие приставов.

Отсюда видеть можно и подлинно явствует, что сей народ весьма груб и развращен нравами, так что ежели с другими добронравны соравнить, то оный посмеянием может быть, как такой, который ни мало или не много от скотов разнствует.

«...» заблагорассудилось мне о том здесь упомянуть, дабы уверить всех нашей земли, в каком невежестве сии люди пребывают, и как они не знают и вовсе не понимают Священного Писания, приводя вместо Евангелия враки и басни и почитая оные за Божественные пророчания. «...»

[В Москве]. Пред царем и сыном положены были ножи длиною в поллоктя, стакан только и ложка деревянная; как же гнусно и как невежливо он кушал, все те знают, которые на его пире были; никого от роду не видал, какого бы состояния и чина ни был, который бы сего славного царя неучтивее за столом сидел. «...»

Сверх того, они хитры, лукавы, упрямы, невоздержанны, сопротивляющиеся и гнусны, развращенные, не говорю бесстыдные, ко всякому злу склонные, употребляющие вместо рассуждения насилие, и такие, которые от всех добродетелей воистину далеко отступили. «...»

Может ли в каком-нибудь народе бóльшая быть зависть и злоба, нежели в сем, который ничего не пропустил, что могло нас возбудить к гневу, печали или к иному возмущению духа;

долго бы было о сем больше говорить мне, наипаче такому, который о другом предложить спешит. <...>

О житии сих народов кроме того не знаю, что объявить, разве только то, что они ни в каких других делах не упражняются, кроме воинских, в которых будучи, всякие труды претерпевают, голод, жажду сносят, так что все почти, кажется, наподобие несмысленных животных жизнь свою провождают, одним хлебом по большей части голод прогоняют, а жажду утоляют одною водою, общее с лягушками употребляя питье; редко когда дома им сидеть достанется, наиболе посылают их на войну для защищения то российских границ от татар, то лифляндских от поляков и шведов.

[На возвратном пути]. Чуть было не пропустил я здесь упомянуть о том, что приставы нас и посланного от нас наперед с объявлением в Есилию обманули, так как и прежде того часто тоже бывало, о чем не умолчать, но больше объявить надобно, дабы всем была известна ненависть их к нам, и дабы показать всякому безмерную оных неверность и злобу... <...>

Не надобно и того пропустить, что россияне так бесчеловечно с пленниками своими обходятся, что не позволяют им ничего брать у посланников и прохожих людей, воспящая то, сколько можно, и запрещаая давать милостыню: ибо, когда будучи мы в Дорбате, послали им двадцать талеров, сжалившись над умиленным бедных прошением, то не позволено было оным того взять, да и плетями еще высекли тех, которые допустили. <...>

Теперь уже напоследок остается благодарить всесильного Бога по премногу, что избавил нас от рук московского народа, жесточайшего фараона, презлого ненавистника христианского имени, и привел невредных в отечество...²¹

1574–1581 гг.

Ливонская война

Русские в крепостях являются сильными боевыми людьми. Происходит это от следующих причин. Во-первых, русские работающий народ: русский в случае надобности неустоим ни в какой опасной и тяжелой работе днем и ночью и молится Богу о том, чтобы праведно умереть за своего государя.

Во-вторых, русский с юности привык поститься и обходиться скудною пищею; если только у него есть вода, мука, соль и водка, то он долго может прожить ими, а немец не может.

В-третьих, если русские добровольно сдадут крепость, как бы ничтожна она ни была, то не смеют показаться в своей земле, потому что их умерщвляют с позором; в чужих же землях они не могут, да и не хотят оставаться. Поэтому они держатся в крепости до последнего человека и скорее согласятся погибнуть до единого, чем идти под конвоем в чужую землю. Немцу же решительно все равно, где бы ни жить, была бы только возможность вдоволь наедаться и напиваться.

1576 г.

Русские в Гапсале, в Вике и на Эзеле

В январе 1576 г. в Ливонию прибыло войско русских и татар в шесть тысяч человек; 27 января они напали на Вик и взяли и заняли замки и крепости Лоде, Леаль и Фикель, сданные им немедленно, предательски и безо всякой нужды. Затем они двинулись с немногими орудиями к Гапсалу и только стали перед этим городом, не делая окопов и не стреляя. Как только они подошли, 9 февраля, то находившиеся в замке дворяне из Вика, бюргеры, начальники (офицеры) и кнехты немедленно завели переговоры с русскими и 12 февраля сдали московиту превосходную крепость Гапсаль без всякой нужды; а в замке том не было ни малейшего недо-

---

²¹ Путешествие в Россию датского посланника Якова Ульфельда в XVI веке. М., 1889. С. 11, 14–17, 31–33, 42, 44, 45, 55, 61.

статка в съестных припасах и людях, и им совсем нечего бы было бояться осады, если бы они только немного подумали о сопротивлении. <...>

Когда же русские вступили в замок, то многие из гапсальских юнкеров (помещиков, дворян) были в очень веселом настроении, у одного из них сидели на коленях две девушки из дворянок, и он забавлялся с ними. Русские не могли вдоволь надивиться такой беспечности и сказали Гинрику Боусману, гоф-юнкеру герцога Магнуса, также видевшему это: «Гинрик, что вы, немцы, за странные люди, однако! Если бы мы, русские, так легкомысленно сдали такой замок, то не смели бы поднять глаз перед честными людьми, а великий князь наш не знал бы, какую и смерть придумать нам; а немцы в Гапсале не только прямо смотрят в глаза, а еще играют с девушками, точно и в самом деле поступили, как следовало». На это Гинрик Боусман не нашелся, что ответить, так как сам видел это собственными глазами.

1577 г.

Геройский подвиг и горе венденцев

<...> великий князь производил в Вендене такое тиранство и поругание над женщинами и девушками, о каком не было даже слышано у турок и других тиранов. Многих мужчин он велел сечь, затем избитых и окровавленных живьем жарить на огне; одному бургомистру он велел живому вынуть сердце, одному священнику велел вырвать язык из гортани; прочих велел убивать с неслышанными пытками и муками, а потом, точно так же, как в и Эрле и Кокенгузене, велел бросить мертвые тела в кучу на съедение птицам, собакам и диким зверям, запретив под страхом смерти своим людям хоронить их, как теперь, так и впредь.

Ливонские пленники

Здесь же я должен вкратце упомянуть о жалком положении, насколько оно мне известно, бедных ливонских пленных в Москве. Невозможно, во-первых, рассказать, сколько тысяч людей погибло и было убито из дворян, бюргеров, воинов, крестьян, женщин, девушек, детей, слуг, служанок и всякой челяди в эту продолжительную войну, и как много было убито беременных женщин вместе с их плодом, и как много было брошено московитом грудных детей по дорогам, тропинкам и чашам, и как они были поедены дикими зверями, и как несколько тысяч были уведены в плен и рассеяны по московитским и татарским землям и городам, где были отягощены тиранскими тюрьмами и трудными работами до конца дней своих, где многие были перекрещены, а многие добровольно согласились перекреститься, надеясь приобрести этим бóльшую милость и расположение великого князя. Невозможно также знать, сколько тысяч бедных ливонцев были брошены в Москве в воду, утоплены, безжалостно засечены, жестоко зажарены на огне до смерти, и сколько людей в тюрьмах умерли с голода и от жажды самым жалким образом, и как их тащили вон, как собак. Также и бесчисленное множество женщин и девушек должны были против воли отдаваться русским и татарам и жить в разврате с такими бестиями²².

1581 г.

Из записок Паоло Кампани

Жителям этой страны под угрозой смерти нельзя покидать пределы Московии без разрешения великого князя, а пришельцы, если они проникли сюда без княжеского разрешения, оказываются как бы в вечном рабстве. Ни послам, ни купцам других народов, которые были в Московию с его разрешения, не дозволяется свободный проезд по всей стране, и пока

---

²² Бальтазар Руссов. Ливонская хроника / Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1880. III. С. 228, 247–248, 275, 321–322.

они находятся в Московии, они содержатся как бы под почетным арестом. Назначаются особые люди, которые следят за тем, что они делают и с кем разговаривают. <...>

Пьянство среди простого народа карается самым суровым образом, законом запрещено продавать [водку] публично в харчевнях. <...>

О себе москвиты имеют самое высокое мнение, остальные же народы, по их мнению, достойны презрения. Они считают, что их страна и образ жизни самые счастливые из всех. <...>

Верность и покорность этого народа делают более понятной жестокость их царей, которые вдруг приказывают убивать самых знатных людей и самого почтенного возраста или наказывать их палками, как рабов. <...>

За женщинами у них самый строжайший надзор. Знатным замужним женщинам очень редко, восемь или, самое большее, десять раз в году, в самые большие праздники разрешается ходить в церковь, в эти дни к ним присоединяются и девицы, в остальное время на народе они не показываются²³.

1581–1582 гг.

Антонио Поссевино о Московии

Все они [священники], включая и монахов, (а у всех здешних монастырей один устав и одна одежда), удивительно невежественны в науке, касающейся происхождения их вероучения. Некоторые даже не могли ответить, кто основатель их устава, когда мы у них об этом спрашивали. <...>

Там нет ни одной коллегии или академии. <...> Если покажется, что кто-нибудь захочет продвинуться в учении дальше или узнать другие науки, он не избежит подозрения и не останется безнаказанным. <...>

Для жителей этой страны под угрозой смерти нельзя покидать пределы Московии без разрешения князя, а пришельцы, если они проникли сюда без княжеского разрешения, оказываются как бы в вечном рабстве. Но ни послам, ни купцам других народов, которые прибыли в Московию с его разрешения, не дозволяется свободный проезд по всей стране, и, пока они находятся в Московии, они содержатся как бы под почетным арестом. <...>

Вообще, это неприветливая страна, во многих местах она не имеет жителей, и земля там не обработана. К тому же вокруг простираются огромные пустыни и леса, не тронутые временем, с вздымающимися ввысь деревьями. Для путешественников она особенно неприветлива. На таком огромном пространстве земель иногда нельзя найти никакого постоянного двора, но где застала ночь, там и приходится ночевать на голом, неподготовленном месте. У кого какая пища есть, тот, по-видимому, и возит ее с собой. Города встречаются редко, и жителей в них немного, построены они из дерева. <...>

Пьянство среди простого народа карается самым суровым образом, законом запрещено продавать [водку] публично в харчевнях. <...>

Они ведут грубый образ жизни и неопрятны: сядь за стол, рук не могут, не пользуются ножами, вилками, салфетками. Пища скудна и проста в приготовлении и постоянно одна и та же. <...> У москвитов крепкие желудки, они любят грубую пищу и поэтому едят полусырое мясо. В особенном почете у них за столом лук и капуста. <...>

Дома – деревянные, даже богатые палаты не отличаются изяществом отделки. Голые стены черны от дыма и сажи: ведь у москвитов и литовцев печи, в отличие от наших, не имеют труб, через которые огонь и дым безопасно удаляются через крышу, но у них он выходит через раскрытые окна и двери. Поэтому, когда они затапливают печь, в помещение набирается столько дыма (а они часто топят сырыми или влажными дровами), что там никаким образом невозможно находиться. <...>

---

²³ Л. Н. Годовикова. Сведения о России конца XVI века. Паоло Кампани / «Вестник МГУ» (История). 1969. № 6. С. 81–83.

О себе москвиты имеют самое высокое мнение, остальные же народы, по их мнению, достойны презрения. Они считают, что их страна и образ жизни самые счастливые из всех²⁴. Эту свою спесь они выражают в том, что носят богатую одежду, сверкающую золотом и серебром, и меняют ее часто, по несколько раз в день, чтобы показать из тщеславия свое богатство. <...>

По отношению к своему государю угождение и почтение удивительны до такой степени, что создается впечатление, что некоторые его мнения считаются чуть ли не божественными: они убеждают себя, что он все знает, все может, все в его власти. <...>

Верность и покорность этого народа делают более понятной жестокость их царей, которые вдруг приказывают убивать самых знатных людей и самого почтенного возраста или наказывать их палками, как рабов. <...>

В Московии нет ни одной гимназии, в которой юношество обучалось бы свободным наукам, также нет и ученых богословов, которые просвещали бы народ проповедями. У москвитов чрезвычайно ученым считается тот, кто знает славянские буквы. Молитву Господню знают очень немногие, а Символ апостольский, десять заповедей и Богородицу знают чрезвычайно редко. Между тем, понятие о христианской религии каждый получает только дома, где с младенчества впитывает его с молоком матери. <...>

В праздничные дни москвиты не освобождаются от занятий и ручного труда, они считают, что в эти дни запрещается не труд, а греховные поступки. По крайней мере, по их словам, почитание праздничных дней пошло от иностранных обычаев и восходит к иудеям, а ведь их обряды у них запрещены. Прекращение работы подобает богатым и духовным лицам, бедные же, так как они живут одним днем, не могут прекратить работу. Таким образом, всегда, будь это день Пасхи или Рождества, они трудятся. Исключение составляет только день Благовещения, который они очень чтут и считают священным²⁵.

1588 г.

Джэйлс Флетчер. О государстве русском

Я нередко видел, как они, разложив товар свой (как то меха и тому подобное), всё оглядывались и смотрели на двери, как люди, которые боятся, чтоб их не настиг и не захватил какой-нибудь неприятель. Когда я спросил их, для чего они это делали, то узнал, что они сомневались, не было ли в числе посетителей кого-нибудь из царских дворян или какого сына боярского, и чтоб они не пришли с своими сообщниками и не взяли у них насильно весь товар.

Вот почему народ (хотя вообще способный переносить всякие труды) предается лени и пьянству, не заботясь ни о чем более, кроме дневного пропитания. <...>

Что касается до других качеств простолюдинов, то хотя и заметна в них некоторая способность к искусствам (как можно судить по природному здравому рассудку людей взрослых и самых детей), однако они не отличаются никаким, даже ремесленным, производством, тем менее в науках или какими-либо сведениями в литературе, от коих так точно, как и ото всех воинственных упражнений, их с намерением стараются отклонить для того, чтобы легче было удержать их в том рабском состоянии, в каком они теперь находятся, и чтобы они не имели ни способности, ни бодрости решиться на какое-либо нововведение. С тою же целью им не дозволяют путешествовать, чтобы они не научились чему-нибудь в чужих краях и не ознакомились с их обычаями. Вы редко встретите русского путешественника, разве только с посланником или беглого; но бежать отсюда очень трудно, потому что все границы охраняются чрезвычайно бдительно, а наказание за подобную попытку, в случае если поймут виновного, есть смертная

---

²⁴ Поссевино использовал в своей работе записки Паоло Кампанини, так что здесь и далее мы встречаемся с дословными совпадениями.

²⁵ Антонио Поссевино. Исторические сочинения о России в XVI веке. М., 1983. С. 22, 25, 205, 207, 209–210.

казнь и конфискация всего имущества. Учатся только читать и писать, и то весьма немногие. По той же причине не дозволено у них иностранцам приезжать в их государство из какой-либо образованной державы иначе, как по торговым сношениям... <...>

Священники суть люди совершенно необразованные, что, впрочем, вовсе не удивительно, потому что сами поставляющие их епископы <...> точно таковы же и не извлекают никакой особенной пользы из каких бы то ни было сведений или из самого Священного Писания, кроме того, что читают его и поют. <...>

Стол у них более, нежели странен. Приступая к еде, они обыкновенно выпивают чарку или небольшую чашку водки (называемой русским вином), потом ничего не пьют до конца стола, но тут уже напиваются вдоволь и все вместе, целуя друг друга при каждом глотке, так что после обеда с ними нельзя ни о чем говорить, и все отправляются на скамьи, чтобы соснуть, имея обыкновение отдыхать после обеда так точно, как и ночью. <...> Напиваться допьяна каждый день в неделю у них дело весьма обыкновенное. <...>

Что касается до их свойств и образа жизни, то они обладают хорошими умственными способностями, не имея, однако, тех средств, какие есть у других народов для развития их дарований воспитанием и наукою. <...> Отчасти причина этому заключается и в том, <...> что образ их воспитания (чуждый всякого основательного образования и гражданственности) признается их властями самым лучшим для их государства и наиболее согласным с их образом правления, которое народ едва ли бы стал переносить, если бы получил какое-нибудь образование и лучшее понятие о Боге, равно как и хорошее устройство. С этой целью Цари уничтожают все средства к его улучшению и стараются не допускать ничего иноземного, что могло бы изменить туземные обычаи. Такие действия можно бы было сколько-нибудь извинить, если бы они не налагали особый отпечаток на самый характер жителей. Видя грубые и жестокие поступки с ними всех главных должностных лиц и других начальников, они так же бесчеловечно поступают друг с другом, особенно со своими подчиненными и низшими, так что самый низкий и убогий крестьянин, <...> унижающийся и ползающий перед дворянином, как собака, и облизывающий пыль у ног его, делается несносным тираном, как скоро получает над кем-нибудь верх. <...>

Что касается до верности слову, то русские большей частью считают его почти нипочем, как скоро могут что-нибудь выиграть обманом и нарушить данное обещание. Поистине можно сказать (как вполне известно тем, которые имели с ними более дела по торговле), что от большого до малого (за исключением весьма немногих, которых очень трудно отыскать) всякий русский не верит ничему, что говорит другой, но зато и сам не скажет ничего такого, на что бы можно было положиться. Эти свойства делают их презренными в глазах всех их соседей, особенно татар, которые считают себя гораздо честнее и справедливее русских²⁶.

1583–1589 гг.

Мнение Самуэля Кихеля

Русские ограничиваются малым кругом желаний и потребностей и отличаются удивительной малочувствительностью, довольствуются немногим, неразборчивы в пище и питье и терпеливее всех народов переносят холод, голод и жажду²⁷.

1593 г.

Мнение Николая Варкоча

---

²⁶ Д. Флетчер. О государстве русском. СПб., 1906. С. 54–55, 56, 96–97, 124, 127–129.

²⁷ Samuel Kiechel's Reisen, vom Jahre 1583 bis 1589 – Цитировано по книге: А. П. Шапов. Сочинения. СПб., 1908. Т. III. С. 14.

Женщины не в большом уважении, и ни одна не считается за честную: они сидят все дома и редко дают себя видеть. В торговых делах москвитяне самый плутоватый и хитрый народ: с чужеземца запрашивают за товар втрое и божатся своими святыми, что самим стоит столько же, а все же отдают его за половину, даже за третью часть этой цены при продаже. <...>

Когда случится у них большой праздник, они проводят его со многими обычаями и церковными обрядами. По исполнении обрядов и обычаев справляют праздник обедением и пьянством: однако же, кроме праздничного времени, этого никогда не бывает явно, и опьянение считается гнусным состоянием. Такое пьянство по праздникам продолжается целые восемь дней²⁸.

1599–1600 гг.

Описание персидского посольства

[Казань] Мы пробыли в городе десять дней, причем нас так обильно угощали, что кушанья приходилось выбрасывать за окно. В этой стране нет бедняков, потому что съестные припасы столь дешевы, что люди выходят на дорогу отыскивать, кому бы их отдать. Зато есть недостаток в хороших винах, ибо нет другого вина, кроме того, которое выделывают из пшеницы и ячменя; оно чрезвычайно крепко, так что пьющие быстро приходят в опьянение, и потому законом установлено, чтобы чиновники не носили оружия, так как среди них то и дело случаются убийства. <...>

Жители хорошо сложены: мужчины очень белы, полны и высоки; женщины вообще весьма красивы; одежда и шапочки из куньего меха, которые они носят, придают им еще больше красоты. Печи в большом употреблении. В каждом доме держат собаку, подобную льву, потому что боятся быть ограбленными ночью. Эти собаки днем привязаны на цепи, а вечером в известный час дают знак звоном в колокола, что собак хотят выпустить на улицы – пусть люди остерегаются; когда их выпустят, никто не осмеливается выйти из дома – иначе собаки растерзают его в клочья. <...>

[Нижний Новгород] Жители города христиане, подданные московского царя; впрочем, имеют непристойные обычаи: ибо в этой стране лучшее удовольствие – бани, но в них моются мужчины и женщины вместе, без одежды; дозволяют себе весьма неприличные речи – более, чем допускает благопристойность в каком-либо государстве. Съестные припасы весьма дешевы, как и в других описанных нами частях Московии и Татарии, но одежда очень дорога. <...>

[Владимир] Этот город имеет двенадцать тысяч жителей и кажется весьма благоустроенным и под хорошим управлением. Женщины очень красивы, но у них много отнимает привлекательности безобразная и нескладная одежда, лишенная вкуса и изящества. Мужчины высоки и плотны. <...>

[Москва] Этот государь весьма богат, ибо волен располагать жизнью и имуществом своих подданных, кои не только служат ему, но и обожают его. Он не допускает в своих владениях ни школ, ни наук, ни университетов, дабы никто не мог знать столько, сколько знает он, и потому ни один из его судей, градоначальников и секретарей не знает больше того, что диктует ему великий князь. Жители не могут лечиться у иностранных врачей, ни ездить в другие царства под страхом смертной казни, дабы они не имели сношений с другими народами. Нет ни нищих, ни разбойников, потому что первым приказано давать пищу в изобилии, а других осуждают на вечное заключение, так что человек, раз совершивший преступление, не может совершить его в другой раз, ибо он как бы заживо погребается в могиле. Государь весьма строго соблюдает

---

²⁸ Описание путешествия в Москву Николая Варкоча, посла Римского императора, в 1593 году / Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. М., 1874. Кн. 4. Разд. IV. С. 33, 34.

предписания религии. Нет иных книг, кроме Евангелия, проповедей и жизнеописаний святых; все эти книги украшены крестами²⁹.

1599–1600 гг.

Вильям Парри в Москве

Здесь мы были встречены наилучшим образом толпою молодцов, от которых разило водкой, одетых в парчовые кафтаны. Но эта пышность кончилась с первой встречей: кафтаны опять были сложены в казнохранилище, а нас заперли в тюрьму на десять дней, причем всякий доступ других к нам или наш к ним был строжайше воспрещен³⁰.

XVII век

1602 г.

Из дневника Акселя Гюльденстиерна

В это путешествие из Нарвы в Москву мы проезжали мимо многих боярских и дворянских дворов, в которых жили сами хозяева, но дворы эти состояли только из бревенчатых домов и мало отличались от прочих крестьянских домов, и были они гораздо хуже построены, чем крестьянские дворы в Скании или Норвегии. [Дворы эти] весьма плохо устроены, так что кто не знает [местных обстоятельств], мог бы предположить, что в них живут очень бедные крестьяне. И хотя мы проезжали мимо многих их ворот, ни сами [хозяева], ни их жены, ни дети, ни слуги никогда нам не показывались, так что мы не могли подозревать об их существовании. А чтоб они вышли угостить нас чаркою водки или иным чем – об этом не было и помину³¹.

1602–1603 гг.

Какаш и Тектандер. Путешествие в Персию через Московию

Относительно вероисповедания и богослужения московитов я скажу, что, насколько мне удалось узнать о сем, они считают себя и тех, кто придерживается с ними одной веры, самыми настоящими и лучшими христианами; нас же они не признают вовсе за христиан, а называют прямо погаными (*paganos*), то есть язычниками. А между тем, они такие сластолюбцы, безбожники, обманщики и лжецы, что нельзя и описать, в чем мы достаточно убедились, прожив среди них полгода. На мой взгляд, едва ли найдется где в свете другая страна, где бы господствовал такой разврат и бесстыдство. Насколько я мог заметить, они ни во что не ставят десять заповедей и слегка наказывают нарушивших их. Убийца или другой какой преступник наказывается за свое злодеяние заключением в тюрьму на два или три года. Отбыв это наказание, он становится еще худшим, нежели был раньше. «...»

Что же касается далее их нравов и обычаев, то в еде и питье они подобны скотам, грубы и неприличны, едят обыкновенно без тарелок и ножей, хватают кушанья прямо руками. Для питья они употребляют большею частью мед и водку. Они крайне коварны и корыстолюбивы, хотя, невзирая на то, считают себя самыми настоящими христианами и не терпят того, чтобы им предпочитали какой-либо другой народ³².

1603 г.

Ганзейское посольство из Любека. Сочинение Йохана Брамбаха

4-го [марта], переехавши через московскую границу, прибыли в село Базилевичи, три мили, где ночевали и затем пробыли от 4 до 8 марта в ожидании «подвод» (т. е. лошадей и

---

²⁹ Путешествие персидского посольства через Россию от Астрахани до Архангельска в 1599–1600 гг.: Из рассказов дон-Хуана Персидского. М., 1898. С. 8–12, 14.

³⁰ Вильям Парри. Проезд через Россию персидского посольства в 1599–1600 гг. / Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. 1899. Кн. 4. Разд. III. С. 5.

³¹ Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. 1911. Кн. 3. Разд. II. С. 16.

³² Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. 1896. II. Разд. III. С. 19, 23.

экипажей) <...> Что особенно поразило нас в настоящем путешествии, так это необычайная бедность, унылый вид, невежество и крайняя лень народа, причем на целые сотни миль, что мы проехали (и еще должны были проехать), ни одна женщина не занимается ни тканьем, ни какою-либо иною работой, а все ходят без дела, слоняясь от печи к окну и от окна к печи. Ту же комедию разыгрывают, впрочем, и мужчины. А живут эти люди в жалких низеньких лачужках, сколоченных из сосновых бревен; вместе с ними тут же имеют, как полные господа, свое поместье и свиньи, и телята, и овцы, и куры. Кроме того, у этого народа в жилой горнице устраивается большая печь, служащая для трех целей: чтобы нагревать жилье, печь хлеб и варить кушанье и, наконец, располагаться на ней с женой и детьми на ночлег. Рядом с печью, немного повыше, устроены полати из досок, поддерживаемых шестами, куда они перебираются иногда с печи; но постелей у них не полагается, а спят прямо в одежде или закутавшись в разные лохмотья. В их избах совершенно темно, так как имеется всего два-три отверстия, которые, служа для выхода дыма, заменяют и окна. Женщины, по виду схожие с татарками, ходят полуодетые, а в ушах у них висят серебряные монеты или иного рода серьги. Но положение такое, что хоть зубы на полку клади, – голод и нужда превеликие; нельзя достать ни пива, ни тем более вина, и мы вынуждены были пить все время воду <...>³³.

1601–1605 гг.

Петр Петрей. История о Великом Княжестве Московском

Завидев неприятеля издали, они поднимают сильный крик и вой, точно делают важное для них дело, думая таким образом обратить неприятеля в бегство, запугать его и проглотить живьем. Потому что от природы они не так чтобы очень храбры и неустрашимы, так и думают сбить и одолеть неприятеля своим страшным криком и воем и стремительным нападением. Если же это не удастся и останется напрасным, неприятель идет им навстречу, наступает на горло, храбрость у них и проходит, разве когда войска у них слишком много, и они совершенно уверены в победе, тогда нападают на врага с бешенством, точно полоумные. Проиграв битву и обратившись в бегство, уцелевшие едут в разные стороны, охают, плачут, бросают оружие и все что ни есть с ними, хлещут кнутом лошадей так усердно и жестоко, что те через силу бегут и падают околевшие. <...> Заметив, что им нельзя спастись и укрыться в таком быстром бегстве, а надобно отдаться неприятелю, быть убитыми или пленными, русские бросаются прямо с лошади, припадают лицом к земле и со слезами на глазах очень униженно просят помилования и пощады себе. <...>

Хоть москвитяне и не особенно храбры и неустрашимы в сражении, чтобы сделать что-нибудь чрезвычайное, однако же они дерзки, хитры, отважны, если осадят их в обозе, в укреплении или в кремле и прежде испытают всякую нужду, нежели сдадутся на милость неприятелю. <...>

Так как [на войне] к ним не привозят никаких крепких напитков, они живут очень трезво и умеренно и стараются заставить врасплох неприятеля и обманом овладеть его городами, не осмеливаясь сразиться с ним в открытом бою или взять у него город приступом, да и все свои подвиги они делают быстрым налетом, нечаянностью, изменою, полагаются больше на свое превосходство в числе, чем на свою храбрость, хорошее и правильное воинское устройство. <...>

Москвитяне по природе чрезвычайно грубы, распущенны и невежливы в своих нравах, ухватках и разговорах: они совсем не считают грешным и срамным делом вести разговоры об ужасных вещах, не стыдятся также кашлять, харкать, икать и выпускать кое-что задницей за

---

³³ Поездка ганзейского посольства в Москву / Сборник материалов по русской истории начала XVII века. СПб., 1896. С. 20–21.

обедом в гостях, в церквях или в другом месте, на улице или на рынке, да еще смеются и очень потешаются тем.

Русские обыкновенно высокие, крепкие, дородные и статные молодцы. <...> Что касается женщин, они чрезвычайно красивы и белы лицом, очень стройны, имеют небольшие груди, большие черные глаза, нежные руки и тонкие пальцы и безобразят себя часто тем, что не только лицо, но глаза, шею и руки красят разными красками, белую, красную, синюю и темную: черные ресницы делают белыми, белые опять черными или темными и проводят их так грубо и толсто, что всякий это заметит, особливо же когда ходят в гости или в церковь, потому что их нечасто выпускают бродить по улицам, разве только в праздники или для посещения друзей и родных.

<...> простолюдинам великий князь строго запретил держать какие-нибудь напитки, водку, пиво или мед, кроме только свадебных или праздничных случаев: тогда они должны иметь свидетельства наместника, какое количество напитков позволено им варить. Если кто поступит против этого свидетельства и сварит больше, чем ему приказано и позволено, того наказывают денежной пеней и розгами.

Запрещается также строго, под смертной казнью, чтобы никто в стране не продавал каких бы то ни было напитков, пива, меда или водки, кроме одного великого князя, который во всех городах, местечках и больших деревнях содержит общественные кружала и кабаки и получает от того большой ежегодный доход.

В этих питейных домах, видно, бывает так много пьянства и ликования, что нельзя и поверить. Потому что там дозволено им кутить, напиваться допьяна и играть в кости, сколько душа желает и может. Пропив свои деньги, закладывают кафтаны и пьют на них, сколько нальют за это винопродавцы и целовальники.

Некоторые закладывают не только кафтаны, но даже шапки, сапоги, рубашки и все, что ни есть за душою, да и бегут нагишом домой.

Редко пройдешь эти дома, не увидав множества выбегающих оттуда этой бахусовой братии: один в чем родила его мать, другой в рубашке, некоторые полуодетые и часто до того пьяные, что не в состоянии идти домой, а остаются влачить жизнь в грязи или в снегу на улице, либо укладываются на тележки или сани, как свиньи, и везутся нога за ногу своею прислугой и женами; но это ни для кого не диво. Часто и обыкновенно случается это в заговенье и в праздники, и не только водится между мужчинами и простолюдьем, но и между богатыми и знатными женщинами. Если найдут кого-либо пьяного на улице в такую пору, когда никому не позволено варить и пить пиво, его берут под стражу и допрашивают, где он напился. Узнавши, что напился в великокняжеском кружале, возвращают ему свободу. Когда же откроется, что он подпил где в другом месте, тогда не только пьяного, но и того, кто продал или поднес ему вина, секут: вдобавок к тому они должны бывают заплатить большую денежную пеню за то, что нарушили запрещение великого князя. <...>

Эта страна вообще очень красива, хороша и плодородна, но народ в ней груб, невежествен, мешковат, неучтив и ни на что не годен; причиною того сами русские, потому что правительство держит их так строго и крепко, точно невольников и кабальных рабов; они и не хотят научиться ничему приличному и честному, никуда не выезжают из своей земли, а все сидят дома, полагая, что город Москва – единственный в свете, и великий их князь – самый могущественный и богатейший государь изо всех королей, не думают, что ему есть равные по богатству и могуществу, пышности и величию. Оттого-то они так и горды, и кичливы умом и сердцем, презирают все другие народы и оказывают своему великому князю такое уважение, такие почести и услуги, точно он не государь их и правитель, а сам Бог. <...>

Русские содержатся в строгом и суровом повиновении и всегда должны служить, работать и возиться с чем-нибудь: они любят, чтобы понуждали их сильными ударами, и если господин не часто отработывает своего холопа хорошею плетью, то не получает от него никакой и пользы:

переноса немного побоев, холоп вправе сказать, что над ним станут смеяться и презирать его другие холопы, оттого что господин не сечет и не колотит его. Бедняк и нищий продается сам за небольшие деньги во владение богатым на все время своей жизни, а часто и с таким условием, что он, его жена, дети и внуки вечно будут служить им и их потомкам, пока они живы. Если же господин его умрет и перед кончиною из милости и сожаления освободит его со всем родом из рабства, он продается другому, потому что там больше любят неволю, нежели свободу. Когда отец продает сына или дочь, и потом они освободятся из рабского состояния, отец имеет право взять их и продать в третий и четвертый раз, если же и после того они получают свободу, он уже больше не может продать их.

Лучшее удовольствие и развлечение у русских – ездить и скакать верхом и стрелять из лука: тот считается лучше и почетнее, кто ту же всех натягивает лук, дальше пускает стрелу и попадает в цель. Много играют в шашки и в зерна и выигрывают множество денег. Некоторые играют в карты, другие забавляются бабками, свайкой и чувилем, а таких удовольствий, как, например, карусели, турниры, танцы, фехтование и другие рыцарские упражнения, у них не водится. Великий князь и другие знатные господа находят удовольствие в звериной охоте и травле. Когда играют свадьбу, то травят собаками больших медведей; с ними тогда бывает много музыкантов, которые поют многие бесстыдные и похабные песни, притом играют на трубах, тромбонах, дудках и сопелках, а иногда бьют и в барабаны: из этого выходит удивительная и необыкновенная музыка, такая же приятная, как собачий вой, а москвитяне очень рады и довольны, думая, что лучше и приятнее ее и на свете нет, потому что не слыхали никакой, кроме этой, меж тем как всякого пронимает страх и дрожь, когда он ее слышит. <...>

У кого нет своего собственного хорошего и дорогого платья в такую пору, когда ему очень хотелось иметь его, особливо в большие праздники или когда надумается сходить в гости, поважничать и пощеголять перед своими друзьями и родственниками, тот занимает платье у других и платит прокат за столько дней, на сколько хочет иметь его и повеличаться в нем. А на это они не смотрят, что должны будут голодать, есть сухой хлеб и пить одну воду, только бы показаться в люди нарядными, гордыми и чванливыми, потому что от природы они больше расположены к тщеславию и наглости, нежели к смирению, кротости и другим добродетелям.

Они, по большей части, недоверчивы, легкомысленны, охотно делают несправедливость, легко божатся, не исполняют, что скажут и обещают; никто не поверит другому на тамошний талер без залога и поруки. Отец не верит сыну, сын, наоборот, отцу, без залога, расписки или поручительства. Когда они покупают что-нибудь на торгу, дрова или какие-нибудь мелочи, рыбу или мясо, или что ни есть подобное, купец берет деньги и, сосчитав, держит их во рту до тех пор, пока не отдаст товара покупателю и не найдет времени спрятать их. Часто бывает у них во рту до четырех или до пяти талеров, когда они продают или покупают, однако же разговаривают между собою без всякого затруднения для языка и не роняя изо рта денег до тех пор, пока не захотят их выронить нарочно.

В торговле они очень обманчивы, плутоваты и лукавы и легко могут надуть какого-нибудь простака или олуха, не знающего их приемов, обычая и сноровки, потому что они ценят иногда в двенадцать талеров такую вещь, которая стоит не дороже полугульдена, и после всякого запроса сбавляют что-нибудь, так что, наконец, за ту вещь, за которую они просили двенадцать талеров, получают не больше полугульдена или даже и меньше <...>

Хотя и говорят они, что никогда не крестятся напрасно и не хотят надувать, однако ж часто оказывалось противное.

Потому что это самые лживые и обманчивые люди, каких только можно найти во всем свете, и часто очень надувают божбою как земляков, так и иностранцев: клянутся, божатся Христом Искупителем, что это взаправду так было, полагая, что в том немного значения, а не подумают, что Всемогущий Бог снисходителен и терпелив, но Ему неуютно, чтобы употреблялось во зло Его святое имя, и Он накажет делающих это. <...> Хотя наш Господь Бог медли-

телен на отмщение, но чем Он долее медлит им за какое-нибудь дело, тем строже накажет за оно. <...>

Точно так же для русских слабы и ничтожны всякие честные законы и уставы: у них делаются и допускаются почти все грехи и пороки, так что честный и приличный человек ужаснется, услышав о том. <...>

Простой народ так и думает, что Богу нельзя ничем угодить больше, как подаванием чего-нибудь из своего имения в пользу церкви: многие из них делают такие приношения с большим усердием. Когда же эти подаяния попадут в руки монахов, они сперва сами поживятся ими, так что большею частью встречаются из них такие, которые богаче самых знатных бояр в стране. К тому же еще ведут гнусную жизнь в сластолюбии, пьянстве, разврате и подобных тому пороках, потому и те приношения, которые, по мнению простых людей, идут на устройство церквей, монастырей и часовен, служат только для различной суетности, невоздержности и обжорства духовных лиц. <...>

Они ужасно неприличны, неучены и не умеют ничего ответить, когда их спросишь что-нибудь из Библии или из Св. Отцов, или об их вере, ордене и жизни: они говорят, что не могут отвечать на это, потому что должны держать себя в простоте и невежестве и не умеют ни читать, ни писать. А тоже напиваются допьяна и держат себя, точно какие свиньи; говорят, что патриарх, митрополиты и епископы – их духовные защитники, перед ними они и будут отвечать, потому что не сделали ничего, кроме того, что им велят они делать. <...>

Замечательно также и почти совсем невероятно для не видевших, что русские, духовные и миряне, мужчины и женщины, напиваются о Пасхе водки, пива и других напитков до того, что некоторые, задохнувшись от питья, валяются на улицах мертвые. Пожалуй, кто-нибудь подумает, что, захворав и обессилев от этих крепких напитков, они на другой день воздерживаются от них. Но это будет большая ошибка, потому что, сошедшись вместе на другой день рано утром, они говорят, что их все еще мучит жажда, и, чтобы утолить ее, начинают пить сызнава и не перестают до тех пор, пока в состоянии еще наливать и подносить ко рту рюмку или стакан³⁴.

1604–1605 гг.

Мнение сэра Томаса Смита

Распутство составляет в этой стране столь общераспространенный грех, что их глаз сейчас же подметит его в иностранцах: поэтому ради спокойствия вашей собственной совести и телесного вашего здоровья гнушайтесь разврата как самой противоестественной слабости, – и это тем более, что в этом отношении русские не только чудовищно бесстыдны, но как бы олицетворяют собою само бесстыдство³⁵.

1590–1606 гг.

Записки капитана Маржерета

Невзирая на изобилие и дешевизну съестных припасов, простой народ довольствуется очень немногим: иначе он не мог бы удовлетворить издержкам, ибо не знает никакой промышленности, весьма ленив, работы не любит и так предан пьянству, как нельзя более. Русские, желая повеселиться, обыкновенно пьют вино и мед, приготовленный из сотов, которые доставляются без труда и в великом изобилии, о чем можно судить по множеству воска, отправляемого за границу. У них есть также пиво и другие малоценные напитки. Все без различия, мужчины

---

³⁴ История о Великом Княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя лжедмитриями, и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах, которую собрал, описал и обнародовал Петр Петрей де Ерлезунда в Лейпциге 1620 года. М., 1867. С. 375–376, 382, 385, 387, 389–390, 393, 395–396, 399, 403, 413, 416–418, 444.

³⁵ Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России. СПб., 1893. С. 20.

и женщины, мальчики и девочки, заражены пороком пьянства самого неумеренного. Духовенство не уступает мирянам, если еще не превосходит их. Когда только есть хмельное, приготовляемое, впрочем, не иначе, как для известных праздников, русские пируют день и ночь, пока всего не осушат. Я разумею простой народ: дворяне имеют право делать напитки, какие им угодно, и пить, когда ни пожелают. <...>

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.